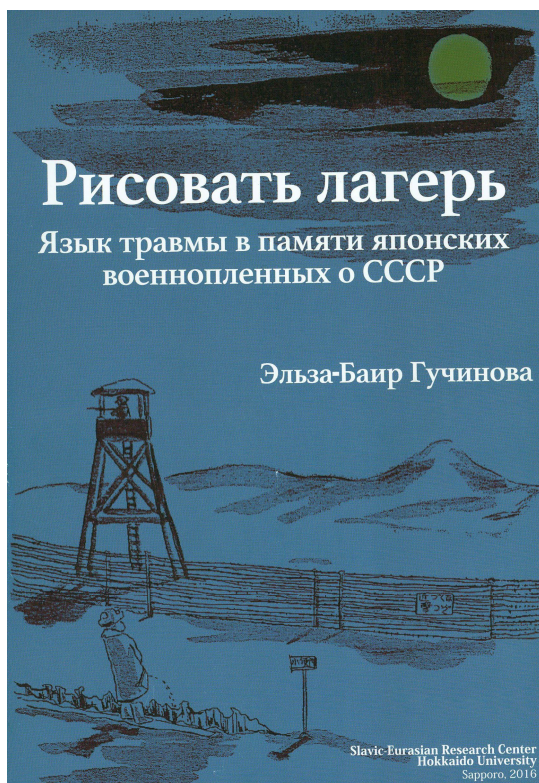

КНИЖНАЯ ПОЛКА

О книге «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР»

А.Н. Мещеряков

Эльза-Баир Гучинова. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР / Эльза-Баир Гучинова. – Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University, 2016 . – 220 с. : ил. – Библиогр.: с. 213-220 . На рус. яз. – ISBN 978-4-938637-87-3.

К книге «Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР» [1] применимы, по меньшей мере, два определения: увесистая и тяжелая. Увесистая потому, что напечатана на мелованной бумаге – этого потребовали многочисленные цветные иллюстрации. Тяжелая – потому что любое повествование о концентрационном лагере подвергает читателя в тяжелые раздумья. Может быть, вместо слова «раздумья» следовало бы поставить «переживания», ибо рассказ о лагерном быте ввергает в депрессию и подмораживает мысль. Но историки, как и врачи, – люди ко всему привычные. Бесчувственность – защитная реакция на те подлости и страдания, с которыми им

приходится иметь дело. Так что жанр научной рецензии на научную книгу принуждает оперировать не столько эмоциональным, сколько научным языком.

Обстоятельства, которые привели к пленению более 600 тысяч японцев, хорошо известны: в самом конце Второй мировой войны, когда Германия была уже повержена, Сталину захотелось создать зону советской оккупации на Хоккайдо, а Трумэн ему отказал. В отместку за это Сталин распорядился взять в плен Квантунскую армию, которая прекратила сопротивление после императорского приказа 15 августа 1945 г. Поскольку решение Сталина было продиктовано, прежде всего, обидой, то есть эмоциями, никакой подготовки к приему японцев провести не успели: они очутились наедине с охранниками и бескрайней тайгой. Результат – холод, голод, болезни и несколько десятков тысяч смертей в первые два года. Когда японцы уже построили сами для себя концентрационные лагеря, количество погибших резко снизилось (всего их насчитывается около 60 тысяч).

Э. Гучинову интересует не столько «высокая» политика, приведшая к пленению, а затем и к освобождению японцев, сколько свидетельства японских лагерников о пережитом опыте. Это тщательно подобранные свидетельства, зафиксированные в письменной, устной и изобразительной форме. Пожалуй, именно последние придают монографии особое человеческое измерение, ибо рисунки лагерников не отягощены мыслительными хитросплетениями и фиксируют пережитое максимально понятно, наглядно, безыскусно.

Когда западные авторы рассуждают о японцах, то очень часто, вольно и невольно, они подчеркивают особость японской культуры. Резонно было бы ожидать, что и в книге Э. Гучиновой нам откроются некие особые черты японских эков, отличающие их от эков, социализация которых осуществлялась не в Японии, а где-то еще. Но этого по большому счету не происходит. Конечно, развращенные советским строем охранники отмечали непривычное им трудолюбие японцев; конечно, свое моральное и гигиеническое падение в полном соответствии со своими культурными предрассудками японские «доходяги» уподобляли не кому-нибудь, а «грязным» корейцам и китайцам... Но все-таки материал книги свидетельствует прежде всего о том, что в нечеловеческих условиях человеческие культурные навыки стремительно теряются – это касается не только японцев, но и русских, что позволило автору проводить прямые параллели между поведением советских и японских эков. В рисунках и словесных текстах японцев чрезвычайно часто появляются изображения обнаженного тела (медицинский осмотр, дезинфекция, трупы), которое выступает как показатель бесправия и лишения культурности.

Э. Гучинова проницательно и справедливо утверждает, что японцы не имели исторического опыта выживания в плену (с. 3). В то же самое время в книге убедительно показано, что навыки такого выживания появляются очень быстро, они имеют ограниченную культурную специфику: почти все люди, вне зависимости от национальности, забывают про чувство собственного достоинства, приворовывают и питаются падалью, попрошайничают, раздевают трупы, занимаются членовредительством, врут, лебезят, выслуживаются, говорят не то, что думают, а что положено.

Вот, например, описание больницы, сделанное заключенным для лагерного начальства: «Белые стены, синие окна, занавески из марли – все это отражает чистоту лечебной комнаты... Украшения, рассчитанные на уют в палате, развешаны по всей стене... У каждой

койки на столике стоит посаженное дерево, и цветы в вазах хорошо пахнут каждый сезон». Он же, теперь уже возвратившись в Японию, писал: «Я стал харкать кровью, наверное, 150 г выходило. Отдохнув три дня, начал рисовать стенгазету. Через месяц я снова харкал кровью. Меня послали в больницу, но в ней не было рентгена...» (с. 158).

Возможно, спецификой японского переживания и осмысления лагерного опыта следует считать обилие изобразительного материала, на что обращает внимание автор. Действительно, японцы привержены рисунку, чертежам, графикам и схемам, с помощью которых они осваивают мир. Привычка к такому освоению воспитывается с детства, формируется в школе, она поддерживается многочисленными и избыточными, с точки зрения представителя западной культуры, иллюстративными пояснениями, которые сопровождают японца в повседневной жизни. Чего стоит, например, имеющаяся почти во всех японских общественных туалетах инструкция/схема по пользованию унитазом... Мой русский друг рассказывал, как его знакомый японец никак не мог взять в толк, каким образом свертывать «козью ножку» и только после того, как он сам для себя нарисовал настоящий чертеж этого нехитрого, казалось бы, изделия, дело пошло на лад. Можно было бы списать это на особенности индивидуального восприятия, но в книге Э. Гучиновой приводится точно такой же случай рисования самокрутки (с. 51), что позволяет говорить о неслучайности подобного «изобразительного» подхода.

Несмотря на неволю, многие военнопленные сохранили теплые воспоминания о простых советских людях. Возможно, лучше всего это отношение выражено в словах прежнего японского зэка: «Я не люблю СССР, но обожаю русских» (с. 150). В книге приведены многочисленные примеры теплого отношения русских людей к арестантам. Однажды и я повстречал в Фукуоке «сибирского пленника», который работал в гостинице, где я остановился. Звуки русской речи привели его в ностальгический восторг. После окончания своего рабочего дня он поил меня пивом и жаловался, что после лагерной махорки японская сигарета его не забирает. Возвратившись в Москву, я отправил ему моршанской махорочки...

Мучения от пребывания в советском плену облегчались тем, что родная Япония не представляла в предвоенное/военное время подражательного образца в части отношения государства к человеку. Телесные наказания в школе, рукоприкладство и дедовщина в армии, безудержный культ императора и государства, шпиономания, ксенофобия, подавление инакомыслия, цензура и т.д. Вряд ли могла удивить японских зэков и инициатива уничтожать в больницах мух «по-стахановски», ибо и в Японии регулярно проводились «дни ловли мух». Привыкнув к своему «культу личности», послевоенные японцы временами вели себя похожим образом как в советском лагере, так и в самой Японии. Из лагеря они посылали благодарственные письма и подарочки Сталину, а в Японии – главному оккупанту генералу Макартуру. И тот, и другой практиковали жесткую цензуру, но это не останавливало поток здравниц.

Жизнь японцев в концлагере была тяжела, но все-таки, как показано автором на множестве примеров, жизнь советских зэков была еще ужаснее. Так что эта книга не только о японцах, но и о русских. Недаром она заканчивается такой фразой: «... изучая сибирское

интернирование японских солдат, мы больше узнаем о советском государстве и советских людях того времени, как и об универсальной природе человека и его языке травмы».

Удивительная вещь: граница между «своим» и «чужим» возведена в советско-российской официальной культуре по иным технологиям, чем в других странах (включая и тоталитарную Японию): трудно себе представить, чтобы власть относилась к своим подданным/гражданам хуже, чем к иностранцам. В книге приводятся документальные свидетельства того, что простые советские люди и даже конвоиры, бывало, питались хуже японцев-лагерников. А что уж там говорить про отечественных эков! Японцам запомнились голодные советские дети, которые, видя сравнительный достаток японских заключенных, бегали вокруг лагеря с криками: «Когда вырасту, стану военнопленным!» (с. 145). Со «своими» советское государство поступало как угодно, иностранцев же могло и ненавидеть, но все-таки в обращении с ними наблюдается больше ограничений. Возможно, это и есть главная подсознательная причина официальной советской (а ныне российской) ксенофобии.

Последний японский военнопленный вернулся на родину в 1956 году. Но бывшие лагерники и их охранники продолжали вносить свой вклад в развитие (или торможение) японо-российских отношений. Зэк Уно Сосукэ побыл короткое время премьером, часть праха лагерника и политика Мори Сигэки захоронена в России, его сын Ёсиро выбился в премьеры. Подполковник И.И. Коваленко заведовал изданием газеты для военнопленных «Нихон симбун», а впоследствии стал заведовать японскими, а потом и всеми азиатскими делами в международном отделе КПСС. Не сомневаюсь, что лагерный опыт этих людей сказался на характере их деятельности, но эта тема требует специального исследования.

В книгах, изданных в России, привычно указание тиража. В этой книге на русском языке, изданной в Японии, тираж не обозначен. Не знаю, сколько людей прочтут в результате работу Гучиновой. Но я знаю, что любого читателя она не оставит равнодушным и безучастным.

Библиографический список

1. Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР // Slavic-Eurasian Research Center. Hokkaido University, Sapporo, 2016. 220 с. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016/> (дата обращения: 09.04.2017).

Поступила в редакцию 09.04.2017

Автор:

Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор РГГУ и РАНХиГС. E-mail: meshtorop@yahoo.com

About the book “Draw a camp. The language of injury in the recollections about the USSR of Japanese prisoners of war”

A.N. Meshcheryakov

Received 09.04.2017

Author:

Meshcheryakov Alexander N., Doctor of Sciences (History), Professor, Russian State University for Humanities & Russian Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: meshtorop@yahoo.com